

УДК 343.237

Украинчик Алевтина Владимировна

преподаватель кафедры международного права,
правосудия и правоохранительной деятельности,
Юридический институт Пятигорский государственный университет,
судья в отставке

ukralevtina@gmail.com

Alevtina V. Ukrainchik

Lecturer, Department of International Law, Justice and Law Enforcement Law
Institute of Pyatigorsk State University

ukralevtina@gmail.com

Понятие и признаки исполнителя преступления

Concept and features of the perpetrator of the crime

***Аннотация:** В статье анализируются признаки, отличающие исполнителя от иных соучастников преступления. Особое внимание уделяется таким признакам, как выполнение исполнителем объективной стороны преступления и обладание им признаками субъекта преступления.*

***Ключевые слова:** соучастие в преступлении, исполнитель преступления, субъект преступления, объективная сторона преступления*

***Abstract:** the article analyzes the features that distinguish the perpetrator from other accomplices of the crime. Special attention is paid to such features as the performer's fulfillment of the objective side of the crime and his possession of the features of the subject of the crime.*

***Keywords:** complicity in the crime, the perpetrator of the crime, the subject of the crime, the objective side of the crime*

Keywords: complicity in a crime, the perpetrator of the crime, the subject of the crime, the objective side of the crime

Согласно предписаниям действующего уголовного закона, исполнитель преступления, а наряду с ним, организатор, подстрекатель и пособник, являет собой отдельный вид соучастника в преступлении (ч. 1 ст. 33 УК РФ). Близкая к современной функциональная градация соучастников на виды появилась только в начале XX века и окончательно сложилась в УК РСФСР 1960 г. До этого, в частности, в середине XIX столетия законодательство исходило из иных представлений о видах соучастников. В частности, ст. 14 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. выделяла «главных виновников» и «участников», руководствуясь, по преимуществу, представлениями о степени виновности и акцессорным принципом, исходя из которого «главные виновники» совершают свое преступление, а «участники» - соучаствуют в преступлении «главных виновников».

Такое законодательное решение в доктрине оправдывалось тем обстоятельством, что функциональная роль и степень виновности соучастника может быть установлена только в каждом отдельном случае, но не как общее правило. В частности, Н.С. Таганцев писал, что принципиального различия между лицами, входящими в число соучастников, не может существовать; «если иногда степень виновности участвующих окажется различной, то это будет зависеть от индивидуальной обстановки их деятельности, а не от принадлежности к тому или иному типу»[15, с. 344].

Однако такая градация и связанные с ней сомнения были изъяты из уголовно-правовой науки и практики уже в первой трети XX века. По мере того, как закон отказывался от нормативной градации объема ответственности соучастников (в частности, от законодательного смягчения наказания пособникам), деление соучастников на «главных» и «второстепенных» утрачивало свое значение. Но одновременно с этим усилилось значение градации соучастников на виды, исходя из иных критериев. И здесь на первый план вышли содержательные особенности тех действий, которые лицо выполняет при совместном совершении преступления. Уже А.Н. Трайнин в 1941 г. писал, что «классификация соучастников должна быть построена на учете конкретных функций соучастника»[16, с. 98]. Об этом же говорят современные авторы[11, с. 109].

В общем ряду соучастников, совместно совершающих преступление, исходя из особой роли или функции, выделяется фигура исполнителя преступления. Это обстоятельство отражает определенную «зону согласия» в отечественной науке и получило нормативное закрепление. Но оно, вместе с тем, является лишь исходной точкой в понимании содержания и сути этой роли (функции). В ее интерпретации доктрина и практика демонстрируют множество несовпадающих подходов.

Начнем с забытого в современной российской науке, но весьма обсуждаемого в доктрине XIX в. положения о том, что все многообразие взглядов на природу исполнителя преступления можно свести к трем основным теориям: объективной, субъективной и смешанной.

Объективные теории при описании исполнителя («главного виновника») делали акцент на содержании, объеме его действий и причинной связи. Один из первых представителей такого взгляда А. Фейербах писал: «то лицо, в коего воле и деянии содержится достаточная причина, производящая преступление, яко действие оной, называется виновником»; кто же с умыслом совершает деяния, которые «хотя сами по себе и не производят преступления, однако жеспоспешествованием сцеплению причин или побуждений виновника способствуют к производству оногo», называется помощником[17, с. 42 – 43].

Такие представления об исполнителе активно критиковались еще в позапрошлом веке как слишком умозрительные и недостаточно пригодные для решения практических задач реализации ответственности. Вместе с тем, их влияние весьма заметно и в современной доктрине при обсуждении таких извечных вопросов, как квалификация действий лиц, обеспечивающих

тайность при совершении изъятия имущества, либо квалификация действий лиц, которые обездвигивают жертву в ситуации нанесения ей смертельных ударов.

Неудовлетворенность теории и практики возможностями, которые предоставляет объективная теория исполнителя, привели к появлению так называемых субъективных теорий, которые отражали в себе единение принципа вины и строгой акцессорности соучастия. Как писал Ф. Лист, они сформировались под существенным влиянием практики Имперского суда Германии. Г. Фристер признает, что они и сегодня составляют опору немецкой правоохранительной практики при разграничении между исполнением и соучастием[18, с. 549]. Суть субъективного взгляда на исполнителя состоит в том, что в качестве такового признается лицо, которое рассматривает деяние как свое, а соучастниками признаются те, кто воспринимает преступление как чужое деяние. При этом в рамках субъективных теорий авторы по-разному расставляли акценты: некоторые признавали исполнителем того, кто достигает преступлением свою собственную цель или интерес, другие видели исполнителем того, кто осуществляет свою собственную волю или намерение, третьи признавали исполнителем любого, кто рассматривает деяние как свое «собственное».

Однако оценивая эти подходы, С.Н. Будзинский иронично замечал, что они «вводят в малодоступную сферу мотивов, от которой по мере возможности криминалист должен держаться в стороне»[2, с. 216 – 217]. Их существенный недостаток состоит, среди прочего, в том, что субъективные теории позволяют в ряде случаев весьма произвольно менять местами исполнителей и иных соучастников.

В чистом виде объективная и субъективная теории исполнителя не могли быть признаны в полной мере удовлетворительными уже в самый момент их доктринального обоснования. В этой связи не случайно, что в русской уголовно-правовой науке было широко представлено третье, промежуточное или комбинаторное учение об исполнителе. Так, критикуя представленные концепции, А.С. Жиряев писал: «оба взгляда – ложные в своей исключительности – представляют каждый свою справедливую сторону; и потому, для удовлетворительного решения целой нашей задачи, необходимо соединить их между собой»[8, с. 33]. Развивая комбинаторное направление, П.Д. Калмыков указывал: «Виновник преступления есть тот, кто первый возымел мысль о преступлении, исполнил его и сделался таким образом причиной преступления и его последствий и при этом исполнил собственное, а не чужое намерение»[9, с. 132].

Представляется, что это комбинаторное направление, по сути своей, стало основой для современных теорий. С определенной долей уверенности можно утверждать о том, что отдельные проявления смешанной (объективно-субъективной) теории исполнителя лежат и в основе современной российской концепции соучастия (что вызывает, отметим забегая наперед,

порой существенные сложности в правоприменении и нуждается в корректировке).

В доказательство этого тезиса продолжим анализ, обращаясь к нормативным предписаниям действующего уголовного закона, практики его применения и современным литературным источникам.

Понятие исполнителя преступления относится сегодня к числу нормативно установленных. Согласно ч. 2 ст. 33 УК РФ, исполнителем преступления признается лицо, непосредственно совершившее преступление либо непосредственно участвовавшее в его совершении совместно с другими лицами (соисполнителями), а также лицо, совершившее преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, предусмотренных кодексом.

В отечественной науке «общим местом» всех рассуждений об исполнителе является признание того, что именно он, обладая нормативно установленными признаками субъекта, выполняет объективную сторону преступления.

Вместе с тем, каждое из этих утверждений (о субъекте и об объективной стороне) может быть признано верным лишь в качестве общего правила, которое таит ряд значимых исключений, игнорировать которые не представляется возможным при исследовании общего понятия исполнителя.

Начнем с тезиса об исполнителе как о субъекте преступления. Ф.Г. Бурчак верно пишет, что исполнителем преступления может быть только лицо, отвечающее требованиям, предъявляемым к субъектам конкретных преступлений, поскольку иначе в его деянии не будет состава преступления как необходимого условия привлечения его к ответственности [3, с. 138 – 139].

Это положение в полной мере разделяется судебной практикой. Однако оно имеет некоторые специфические проявления в зависимости от форм соучастия

Когда речь идет о квалификации преступлений, совершенных в так называемом «сложном соучастии», каких-либо сложностей, как правило, не возникает, ибо отсутствие признаков субъекта преступления у лица, которое совершило уголовно-противоправное деяние, по общему правилу, исключает квалификацию содеянного как совершенного в соучастии. Здесь вступают в силу правила квалификации посредственного исполнения.

Требование наличия признаков субъекта у исполнителя распространяется в полной мере также на преступления, совершенные в группе лиц или в группе лиц по предварительному сговору. Само наличие таких групп связывается в судебной практике (хотя иногда и оспаривается в науке) с наличием, как минимум, двух исполнителей. Соответственно, каждый из них должен обладать признаками субъекта.

Вместе с тем, при квалификации преступлений, совершенных в иных формах соучастия, это правило игнорируется. Речь идет, в частности, о квалификации преступлений, совершенных организованной группой и

преступным сообществом. В данном случае для признания самого факта наличия организованной группы достаточно, чтобы в ней признаками специального субъекта преступления обладал хотя бы один из участников. Так, по общему правилу (и это абсолютно обоснованно) преступление в виде создания преступного сообщества окончено в тот момент, когда два или более лица объединились в устойчивую группу в целях совершения преступления. Эти два лица должны обладать признаками общего субъекта преступления, но при этом не обязательно должны обладать всеми признаками субъекта преступления, которое планирует совершить организованная группа.

Нарушается требование об обладании признаками субъекта преступления всех исполнителей и в ситуации, когда объективную сторону преступления выполняют два лица, одно из которых не подлежит уголовной ответственности. В этом случае судебная практика последовательно придерживается правила о квалификации преступления, совершенного «годным субъектом» как выполненного группой лиц или группой лиц по предварительному сговору. Тем самым косвенно признается, что лицо, не обладающее признаками субъекта (в силу невменяемости или недостижения возраста) в совершенном преступлении также выполняет роль исполнителя. Его действия для целей принятия процессуального решения об освобождении ответственности и применении принудительных мер медицинского характера или воспитательного воздействия также квалифицируются как исполнительские.

Таким образом, тезис о том, что исполнитель преступления обладает всеми признаками субъекта преступления (общими и специальными) является лишь общим требованием, допускающим ряд исключений. Он полностью справедлив для ситуации, когда преступление совершается одним исполнителем при соучастии иных лиц, и не является уже столь категоричным, когда преступление совершается в группе лиц, группе лиц по предварительному сговору, в организованной группе и преступном сообществе. Поскольку в основе всех этих форм соучастия лежит феномен соисполнительства (реальное или основанное на юридической фикции наличие двух или более исполнителей), можно сделать вывод о том, что для соисполнительства рассматриваемое требование не является обязательным в отношении всех соисполнителей. Необходимо только, чтобы хотя бы один из них обладал всеми признаками субъекта преступления.

Сказанное наводит на мысль о том, что при соисполнительстве возникает некий особенный субъект ответственности: не просто лицо, совершающее преступление совместно с иными лицами, а именно группа лиц как коллективный субъект. Дальнейшее обсуждение этого вопроса оставим для последующих научных разработок. Здесь же констатируем вывод, имеющий непосредственное отношение к рассматриваемой проблематике: обладание признаками субъекта преступления не является специфической характеристикой исполнителя. Наличие таких признаков предопределяет способность лица претерпеть последствия, связанные с реализацией

уголовной ответственности, но никак не связано с самим фактом исполнения. Субъект преступления может быть исполнителем или не быть им в той же степени, в какой исполнитель может обладать признаками субъекта преступления или же не обладать ими. Такой вывод, хотя и не является общепризнанным в науке, тем не менее, не противоречит общему подходу к вычленению исполнителя в общей массе соучастников, поскольку такое вычленение происходит на основе функционального признака, то есть той роли или функции, которую лицо выполняет при совершении преступления. Обладание же признаками субъекта к самой по себе роли не имеет прямого отношения. Как следствие, можно утверждать, что признание лица исполнителем должно увязываться не с фактом наличия у него признаков субъекта преступления, а с теми конкретными действиями, которые оно совершает.

Это позволяет нам перейти к анализу второго из выделенных ранее признаков, характеризующего исполнителя и отличающего его от других соучастников, а именно к тому, что именно исполнитель, как гласит ч. 2 ст. 33 УК РФ, «непосредственно совершает преступление».

В судебной практике этот признак понимается вполне определенно, как выполнение исполнителем (в отличие от иных соучастников) объективной стороны преступления. Наука также вполне разделяет такой подход, увязывая исполнительство с непосредственным совершением преступления, а непосредственное совершение – с выполнением объективной стороны состава.

Однако признавая это положение как общее требование, нельзя не заметить, что в ряде случаев судебная практика и наука допускают признание исполнителем преступления лица, которое не выполняло непосредственно объективной стороны преступления. Оставим в стороне случаи посредственного исполнения и выполнения соисполнителями объективной стороны совместно, но в определенной части. Обратим внимание на другие ситуации, а именно: признание исполнителями преступления всех участников организованной группы или преступного сообщества и признание исполнителем лица, которое выполняет действия, непосредственно не описанные в диспозиции статьи Особенной части УК РФ.

Высшая судебная инстанция последовательно проводит в жизнь правило о том, что действия всех участников организованной группы, независимо от выполняемой ими роли, следует квалифицировать как действия исполнителей преступлений, в совершении или подготовке которых они участвовали; а действия организаторов организованных групп квалифицировать как исполнительские в отношении всех преступлений, совершенных группой, при условии, что они охватывались его умыслом на момент создания группы, вне зависимости от того, принимали ли они непосредственное участие в совершении или подготовке того или иного конкретного преступления.

Это правило вызывает неоднозначную оценку у представителей научного сообщества. К примеру, Д.С. Дядькин его полностью поддерживает и предлагает закрепить нормативно[6, с. 19]. В тоже время С.А. Балеев оспаривает устоявшуюся практику и высказывается в пользу самостоятельной квалификации действий участников организованных групп, в том числе при необходимости со ссылкой на соответствующую часть статьи 33 УК РФ[1, с. 174].

Анализируя эту проблему, полагаем необходимым оставить в стороне аргументы, связанные с особой опасностью организованной преступной группы, необходимостью дифференциации преступных групп, утилитарными потребностями квалификации и т.д. Следует ограничить исследование исключительно уголовно-правовыми соображениями, связанными с критериями признания лица исполнителем преступления. В этом случае важно признать, что если строго следовать началам объективной теории исполнительства, объявляя исполнителем лишь того, кто выполняет объективную сторону состава преступления, то надо безоговорочно отказать существующей сегодня практике признания всех участников организованных групп исполнителями в справедливости и обоснованности. Либо надо признать, что требуется дополнительный (наряду с исполнением объективной стороны) критерий, позволяющий обосновать ответственность лица как исполнителя преступления.

В.В. Васюков критикует господствующее сегодня в науке уголовного права мнение, согласно которому критерием отграничения соисполнителя от других соучастников является непосредственное участие в выполнении объективной стороны состава преступления, предусмотренного Особенной частью УК РФ, и утверждает, что описание всех элементов состава преступления, предусмотренных Особенной частью уголовного закона, влияет на отграничение исполнителя от соучастников других видов[4, с. 10]. Соглашаясь с самой идеей критики, тем не менее, нельзя не заметить, что предлагаемые автором критерии выделения исполнителей – «все элементы состава» – слишком общи и аморфны, а потому обладают слабым прикладным значением и мало что приносят в развитие доктрины.

Приступая к собственному поиску, стоит обратить внимание, что правила признания участников организованной группы исполнителями распространяется (как бы это тавтологично не звучало) только на самих участников. Верховный Суд РФ последовательно проводит линию на то, что лица, не являющиеся участниками организованной группы, но принявшие участие в совершении преступления в ее составе, должны нести ответственность лишь за конкретные действия, совершенные ими лично; на них не распространяется правило об автоматическом признании их исполнителями. Соответственно, возникает вопрос о том, чем участник организованной группы отличается от иного лица, которое принимает участие в совершении преступления организованной группой, не будучи ее участником.

Анализ позволяет сделать вывод, что участники организованной группы – это те лица, которые участвуют в разработке или реализации общих планов функционирования группы, включая планы по совершению конкретных преступлений. Лица, не являющиеся участниками организованной группы, (а) не участвуют в разработке общих планов функционирования группы; (б) не участвуют в действиях, не связанных с совершением конкретных преступлений; (в) не участвуют в разработке плана совершения конкретного преступления. Иными словами, они не принимают решения о совершении преступления и не имеют личной заинтересованности в функционировании организованной группы. У участников организованной группы, соответственно, все с точностью до наоборот. Они либо принимают решение о совершении преступления, либо участвуют в реализации этого решения, имея заинтересованность в функционировании группы как таковой. Эти два признака не обязательно совпадают в одном лице: некоторые (прежде всего, руководитель группы) могут не принимать непосредственного участия в совершении преступления, но при этом принимают решение о его совершении и планируют его подготовку и выполнение; иные, не принимая решения о совершении преступления, непосредственно его исполняют, осуществляя при этом различные функциональные роли.

Господствующая практика исходит из того, что лицо, принимающее в организованной группе решение о совершении преступления, признается его исполнителем даже в том случае, когда не участвовало в исполнении объективной стороны, а также из того, что лицо, не принимавшее решения о совершении преступления, но внесшее определенный вклад в реализацию этого решения, также признается исполнителем, независимо от величины и значимости этого вклада.

В таком подходе нельзя не видеть проявлений известной немецкой доктрины «господства над деянием», в том числе «психического господства над деянием» или «господства над деянием, объясняемым внутренним распределением полномочий принимать решения». Как пишет Г. Фристер, по общему правилу и за крайне редким исключением, всегда «собственноручное исполнение обеспечивает господство над деянием»; в иных же ситуациях, «тот, кто исполняет деяние не сам, является соисполнителем независимо от значительности вклада, если он в соответствии с общим планом участвовал в принятии решения о совершении деяния»[18, с. 555 – 558].

Важно лишь отметить, что в немецкой науке и практике эти правила разработаны безотносительно таких известных нашему праву форм соучастия, как организованная группа, группа лиц по сговору или без такового. Стоит также напомнить, что немецкое законодательство не знает такой фигуры среди соучастников как «организатор», в связи с чем разработки доктрины (особенно теория психического господства над деянием) призваны обосновать возможность возложения ответственности на лиц, которые принимают решения о совершении преступления, не участвуя непосредственно в его исполнении.

В нашем же законодательстве и практике иная ситуация. Прежде всего, мы располагаем обособленной, самостоятельной фигурой организатора преступления, который выполняет свои специфические функции, отличные от функций организатора, в том числе и функцию принятия решения о совершении преступления. В тоже время эта функция оценивается по-разному. Сегодня получается, руководитель организованной группы (или преступного сообщества) признается исполнителем преступления посредством использования доктрины «психического господства» над деянием (его полномочия по принятию решения); тогда как лицо, принявшее решение о совершении преступления в иных формах соучастия, - остается организатором, а не исполнителем, в силу требований объективной доктрины выполнения объективной стороны состава преступления исполнителем. Помимо этого, для признания рядовых участников организованной группы исполнителями используется объективное учение о выполнении объективной стороны, дополненное субъективной теорией принятия деяния как своего собственного; тогда как для всех иных лиц – сугубо объективное учение о непосредственном выполнении объективной стороны состава преступления.

Само наличие множества теорий, разумеется, не является проблемой. Проблема видится в том, что все они применяются одновременно в одном правовом пространстве. Это вносит рассогласованность в практику и порождает ряд непростых теоретических вопросов. В частности, возникает вопрос обоснования существующих различий в признании исполнителями преступления руководителей и участников группы лиц по предварительному сговору и организованной группы. Лицо, принявшее решение о совершении преступления в группе лиц по предварительному сговору и разработавшее его план, а равно лицо, выполнившее эти действия в «сложном соучастии», остается организатором, тогда как аналогичные же действия в составе организованной группы расцениваются как исполнительские. Пособник в «сложном соучастии» и в группе лиц по предварительному сговору, воспринимающий преступление как свое собственное и действующий в собственном интересе, внесший наиболее существенный вклад в совершение преступления, остается все же пособником, тогда как в организованной группе аналогичные его действия будут квалифицированы как исполнительские. Как уже отмечалось, обосновать эти различия представлениями о повышенной опасности организованной группы нельзя; такое обоснование лишено собственно уголовно-правовых аргументов.

Выход из сложившейся противоречивой ситуации видится в установлении и последовательном соблюдении единых критериев признания лица исполнителем преступления.

Поскольку наше законодательство (в отличие, например, от немецкого) обособило фигуру организатора и определило круг выполняемых им действий, полагаем, что в российской практике отсутствует потребность в специальном обосновании ответственности организатора через использование конструкции исполнителя преступления, нет необходимости признавать организатора исполнителем. Это правило, которое признается

безусловным для «сложного соучастия» и группы лиц по предварительному сговору, имеет единственное исключение – для оценки действий организаторов организованных преступных групп. Для последовательного соблюдения объективного подхода к вычленению фигуры исполнителя полагаем целесообразным и правильным отказаться от правила о признании организаторов организованных преступных групп исполнителями преступления. Такое решение не потребует изменения текста уголовного законодательства; для его практической реализации необходимо будет лишь внести изменения в соответствующие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ.

Сказанное в полной мере следует распространить и на оценку действий рядовых участников организованных групп. Их следует признавать исполнителями преступления лишь в том случае, когда они непосредственно участвуют в совершении преступления, то есть участвуют в выполнении объективной стороны состава преступления. И здесь мы вплотную подходим к одному из важнейших вопросов теории исполнителя преступления – вопросу о том, что же собственно считать выполнением объективной стороны состава.

Не углубляясь в теорию состава преступления и учение об объективной стороне, заметим, что в рамках исследования проблем соучастия признак «выполнение объективной стороны» толкуется по-разному, что вызывает порой серьезные сложности в правоприменительной практике.

Для начала напомним, что объективная сторона преступления в ее классической интерпретации представляет собой «процесс общественно опасного и противоправного посягательства на охраняемые законом интересы, рассматриваемый с его внешней стороны, с точки зрения последовательного развития тех событий и явлений, которые начинаются с преступного действия (бездействия) субъекта и заканчиваются наступлением преступного результата»[12, с. 9]. Очевидно, что участие исполнителя в этом процессе имеет определенные пространственно-временные ограничения. В частности, исполнитель (а равно иной соучастник) не властен над развитием причинной связи и процессом наступления последствий (оставляем вопросы деятельного раскаяния в стороне). Он в состоянии лишь выполнить деяние, образующее часть процесса посягательства.

Отмеченное соотношение объективной стороны преступления и деяния как его части порождает в науке различные суждения о сущности исполнительских действий. Так, если М.А. Саблина склоняется к тезису о том, что исполнитель полностью или частично выполняет объективную сторону состава преступления[14, с. 46], то О.Л. Цвиренко пишет, что исполнитель выполняет «деяние (действие или бездействие), образующее объективную сторону состава преступления, закрепленного в Особенной части УК РФ»[19, с. 22]. Представляется, что с точки зрения чистоты терминологии, точнее все же говорить о том, что исполнитель выполняет деяние, образующее элемент объективной стороны

преступления. Тем более, что именно выполнение деяния признается законом основанием уголовной ответственности (ст. 8 УК РФ).

Однако этот тезис является не столько итогом, сколько исходной точкой рассуждений о том, что же признавать собственно деянием исполнителя. Основной точкой преткновения в данном случае выступает вопрос о том, можно ли считать деянием выполнение действий, прямо не указанных в диспозиции статьи Особенной части. Некоторые специалисты весьма категорично утверждают, что исполнителем преступления признается лицо, полностью или частично совершившее деяние действие (бездействие), предусмотренное статьей или частью статьи Особенной части УК РФ[5, с. 136]. Другие избегают такой категоричности, не делают оговорок относительно диспозиции или статьи Особенной части УК РФ и ограничиваются общим указанием на то, что исполнитель осуществляет общественно опасное деяние. Последний подход является более убедительным, хотя бы потому, что далеко не во всех диспозициях статей Особенной части УК РФ законодатель описывает конкретные действия. Как известно, законодатель может ограничиться указанием на последствие (в этом случае абсолютно любые действия, его причиняющие, могут составить элемент преступления), может при описании действия или бездействия сделать бланкетную ссылку, может дать примерное, неисчерпывающее описание действий, составляющих преступление. Во всех этих случаях диспозиция не содержит полного и точного описания конкретного действия или бездействия, которое совершает исполнитель; в ней в целом описывается деяние, запрещенное законом, конкретные характеристики которого могут быть установлены в том числе путем толкования закона. На связь содержания исполнительских действий с особенностями диспозиции наука уже обратила внимание[13, с. 71 – 73].

В итоге, не сложно заметить, что вопрос о признании лица исполнителем во многом является вопросом толкования содержания и границ объективной стороны преступления. И здесь тоже возникает серьезная проблема, связанная с тем, что в состав общественно опасного деяния зачастую включаются действия, непосредственно не указанные в диспозиции либо не причинившие последствий, но лишь направленные на причинение вреда.

В приложении к проблематике соучастия и исполнительства в прикладном отношении она упирается в старый спор относительно того, признавать ли исполнителем кражи лицо, которое «стояло на стороже», не принимая непосредственного участия в изъятии имущества, но обеспечивая возможность его тайного хищения; признавать ли исполнителем убийства лицо, которое, не нанося смертельных ранений, лишь удерживало жертву в то время, как иные лица наносили смертельные раны. Известно, что судебная практика последовательно положительно отвечает на эти вопросы (что подтверждается и результатами опроса экспертов). В науке же они являются дискуссионными; хотя уже давно специалистами признается, что «исполнение охватывает не узкий круг действий, непосредственно

причиняющих преступный результат (например, удар ножом при убийстве, похищение вещи при краже и т.п.), но и все те действия, которые связаны с этим причинением. Поэтому исполнителем будет и тот, кто держал жертву, пока другой наносил удар, и тот, кто, взломав дверь, открыл дорогу вору»[16, с. 104].

Такой подход доктрины и практики вполне определенно отражает известное старой англо-американской доктрине деление всех исполнителей на исполнителей первой степени (те, что непосредственно выполнили деяние, описанное в диспозиции статьи закона) и исполнителей второй степени[10, с. 206]. Однако надо учитывать, что такая градация соответствовала общепризнанному делению пособников на тех, кто оказывает помощь до, и кто оказывает помощь после совершения преступления. В связи с чем вполне закономерно, что пособник во время совершения преступления, не укладывающийся в это деление, был трансформирован судебной практикой и доктриной в исполнителя второй степени, дабы обеспечить неотвратимость его ответственности. В настоящее время в странах семьи общего права практически не встречаются исторически сложившееся деление соучастников на исполнителей первой степени и второй степени[7, с. 36], равно как и не проводится особых различий между иными соучастниками (подстрекателями и пособниками). В этой связи проблемы отграничения исполнителей второй степени от пособников для англо-американской доктрины несколько утратили свою актуальность, чего нельзя сказать о российской науке, тяготеющей к четкому обособлению исполнителей и пособников.

Применительно к нашей теме полагаем необходимым указать, что в российском праве «исполнитель второй степени», в отличие от пособника, непосредственно совершает преступление, а в отличие от «исполнителя первой степени», не совершает, но непосредственно участвует в совершении общественно опасного действия (бездействия), в том числе выполняет часть таких действий, оказывает непосредственное содействие в их совершении во время и на месте совершения преступления, выполняет технические операции в процессе исполнения деяния и т.д.

Подводя итог исследованию проблем, связанных с теоретическим определением понятия исполнителя преступления, можно в качестве вывода представить собственную дефиницию, учитывающую необходимость последовательного соблюдения требований объективной теории. В ней необходимо учесть два главных признака: исполнитель является обязательно одним из соучастников преступления и именно он участвует в выполнении общественно опасного деяния. Признаки субъективной заинтересованности исполнителя в результатах преступления, психического господства лица над деянием и эффективного участия в принятии решения о преступлении не должны иметь значения при решении вопроса об отнесении лица к категории исполнителей. В равной степени не является решающим и признак, отражающий обладание исполнителем свойствами субъекта преступления,

поскольку таковые имеют значение не для определения его роли в преступлении, а для решения вопроса о возможности привлечения лица к уголовной ответственности. *Исполнитель*, таким образом, *есть соучастник преступления, который лично или совместно с иными соисполнителями или посредством использования лиц, не подлежащих уголовной ответственности, непосредственно совершает или участвует в совершении действия или бездействия, составляющего элемент объективной стороны преступления.*

Литература:

1. Балеев С.А. *Ответственность за организационную преступную деятельность по российскому уголовному праву: дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2000.*
2. Будзинский С. *Начала уголовного права. – Варшава: Тип. И. Яворского, 1870.*
3. Бурчак Ф.Г. *Соучастие. Социальные, криминологические и правовые проблемы. – Киев: Вища школа, 1986.*
4. Васюков В.В. *Виды соучастников в уголовном праве России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2008.*
5. Гришаев П.И., Кригер Г.А. *Соучастие по советскому уголовному праву. – М.: Госюриздат, 1959.*
6. Дядькин Д.С. *Совершенствование уголовно-правового института соучастия в преступлении: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2002.*
7. Есаков Г.А. *Учение о преступлении в странах семьи общего права: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2007.*
8. Жиряев А.С. *О стечении нескольких преступников при одном и том же преступлении. – Изд. 2-е. – М.: ЛЕНАНД, 2017.*
9. Калмыков П.Д. *Учебник уголовного права. Часть Общая. – СПб.: Тип.т-ва «Общественная польза», 1866.*
10. Козочкин И.Д. *Уголовное право США: успехи и проблемы реформирования. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2007.*
11. *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. Т. 1. Общая часть / Под ред. В.М, Лебедева. – М.: Юрайт, 2018.*
12. Кудрявцев В.Н. *Объективная сторона преступления. – М.: Юрид. лит., 1960.*
13. Пудовочкин Ю.Е. *Квалификация соучастия в преступлении. Судебная практика. – М.: РГУП, 2017.*
14. Саблина М.А. *Исполнитель преступления в институте соучастия: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2016..*
15. Таганцев Н.С. *Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. В 2 т. Т. 1. – М.: Наука, 1994.*
16. Трайнин А.Н. *Учение о соучастии. – М.: Юрид. издат. НКЮ СССР, 1941.*
17. Фейербах П.А. *Уголовное право. – СПб.: Медицинская тип., 1810.*

18. Фристер Г. Уголовное право Германии. Общая часть / Пер. с нем.; 5-е изд. – М.: Инфотропик Медиа, 2013.

19. Цвиренко О.Л. Исполнитель преступления как вид соучастника по уголовному праву Российской Федерации / под ред. И.Я. Козаченко. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2006.

Литература:

20. Балеев С.А. Ответственность за организационную преступную деятельность по российскому уголовному праву: дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2000.

21. Будзинский С. Начала уголовного права. – Варшава: Тип. И. Яворского, 1870.

22. Бурчак Ф.Г. Соучастие. Социальные, криминологические и правовые проблемы. – Киев: Вища школа, 1986.

23. Васюков В.В. Виды соучастников в уголовном праве России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2008.

24. Гришаев П.И., Кригер Г.А. Соучастие по советскому уголовному праву. – М.: Госюриздат, 1959.

25. Дядькин Д.С. Совершенствование уголовно-правового института соучастия в преступлении: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2002.

26. Есаков Г.А. Учение о преступлении в странах семьи общего права: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2007.

27. Жиряев А.С. О стечении нескольких преступников при одном и том же преступлении. – Изд. 2-е. – М.: ЛЕНАНД, 2017.

28. Калмыков П.Д. Учебник уголовного права. Часть Общая. – СПб.: Тип.т-ва «Общественная польза», 1866.

29. Козочкин И.Д. Уголовное право США: успехи и проблемы реформирования. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2007.

30. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. Т. 1. Общая часть / Под ред. В.М. Лебедева. – М.: Юрайт, 2018.

31. Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. – М.: Юрид. лит., 1960.

32. Пудовочкин Ю.Е. Квалификация соучастия в преступлении. Судебная практика. – М.: РГУП, 2017.

33. Саблина М.А. Исполнитель преступления в институте соучастия: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2016..

34. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. В 2 т. Т. 1. – М.: Наука, 1994.

35. Трайнин А.Н. Учение о соучастии. – М.: Юрид. издат. НКЮ СССР, 1941.

36. Фейербах П.А. Уголовное право. – СПб.: Медицинская тип., 1810.

37. Фристер Г. Уголовное право Германии. Общая часть / Пер. с нем.; 5-е изд. – М.: Инфотропик Медиа, 2013.

38. Цвиренко О.Л. *Исполнитель преступления как вид соучастника по уголовному праву Российской Федерации / под ред. И.Я. Козаченко. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2006.*

References:

1. Baleev S. A. *Responsibility for organizational criminal activity in Russian criminal law: Diss. ... Cand. the faculty of law. Sciences. – Kazan, 2000.*

2. Budzinsky S. *the Beginning of criminal law. – Warsaw: I. Yavorsky Type, 1870.*

3. Burchak F. G. *Complicity. Social, criminological and legal problems. – Kiev: Vyshcha SHKOLA, 1986.*

4. Vasyukov V. V. *types of accomplices in the criminal Law of Russia: autoref. Diss. ... Cand. jurid. nauk. – SPb., 2008.*

5. Grishaev P. I., Krieger G. A. *Complicity in Soviet criminal law. – Moscow: Gosyurizdat, 1959.*

6. dyadkin D. S. *Improvement of the criminal law Institute of complicity in crime: autoref. Diss. ... Cand. jurid. nauk – Moscow, 2002.*

7. esakov G. A. *The doctrine of crime in the countries of the common Law family: autoref. Diss. ... doctor of law, Moscow, 2007.*

8. Zhiryayev A. S. *About the confluence of several criminals in the same crime. – Ed. 2-E. – M.: LENAND, 2017.*

9. Kalmykov P. D. *Textbook of criminal law. The General Part. – SPb.: Type.t-VA "Public benefit", 1866.*

10. Kozochkin I. D. *Criminal Law of the USA: successes and problems of reform. Saint Petersburg: Yurid. center Press, 2007.*

11. *Commentary on the criminal code of the Russian Federation. In 4 vols. 1. General part / Ed. by V. M, Lebedev. – M.: yurayt, 2018.*

12. Kudryavtsev V. N. *the objective side of the crime. – Moscow: Yurid. lit., 1960.*

13. Pudovochkin Yu. E. *Qualification of complicity in a crime. Judicial practice, Moscow: rsup, 2017.*

14. Sablina M. A. *the Perpetrator of the crime in the Institute of complicity: autoref. Diss. ... Cand. jurid. nauk. – Moscow, 2016..*

15. Tagantsev N. S. *Russian criminal law. Lectures. Part Of The General. In 2 vols. 1. – Moscow: Nauka, 1994.*

16. traynin A. N. *The doctrine of complicity. – M.: Yurid. Izdat. NKJU OF THE USSR, 1941.*

17. Feuerbach P. A. *Criminal law. – St. Petersburg: Meditsinskaya tip., 1810.*

18. Frister G. *German criminal law. General part / Ed. with it.; 5-e Izd. – M.: Infotropic Media, 2013.*

19. Tsvirenko O. L. *The perpetrator as a kind of accomplice in the criminal law of the Russian Federation / under the editorship of I. Ya. – Nizhnevartovsk: publishing house of Signiert. humanit. UN-TA, 2006.*

References:

20. Baleev S. A. *Responsibility for organizational criminal activity in Russian criminal law: Diss. ... Cand. the faculty of law. Sciences.* – Kazan, 2000.
21. Budzinsky S. *the Beginning of criminal law.* – Warsaw: I. Yavorsky Type, 1870.
22. Burchak F. G. *Complicity. Social, criminological and legal problems.* – Kiev: Vyshcha SHKOLA, 1986.
23. Vasyukov V. V. *types of accomplices in the criminal Law of Russia: autoref. Diss. ... Cand. jurid. nauk.* – SPb., 2008.
24. Grishaev P. I., Krieger G. A. *Complicity in Soviet criminal law.* – Moscow: Gosyurizdat, 1959.
25. dyadkin D. S. *Improvement of the criminal law Institute of complicity in crime: autoref. Diss. ... Cand. the faculty of law. Sciences.* – M., 2002.
26. Esakov G. A. *The doctrine of crime in the countries of the common law family: autoref. Diss. ... doctor of law, Moscow, 2007.*
27. zhiryayev A. S. *About the confluence of several criminals in the same crime.* – Ed. 2-E. – M.: LENAND, 2017.
28. Kalmykov P. D. *Textbook of criminal law. Part Of The General.* – SPb.: Type.t-VA "Public benefit", 1866.
29. Kozochkin I. D. *Criminal Law of the USA: successes and problems of reform. Saint Petersburg: Yurid. center Press, 2007.*
30. *Commentary to the criminal code of the Russian Federation. In 4 t. T. 1. General part / Under the editorship of V. M Lebedev.* – M.: Yurayt, 2018.
31. Kudryavtsev V. N. *the objective side of the crime.* – Moscow: Yurid. lit., 1960.
32. Pudovochkin Yu. E. *Qualification of complicity in a crime. Judicial practice, Moscow: rsup, 2017.*
33. Sablina M. A. *the Perpetrator of the crime in the Institute of complicity: autoref. Diss. ... Cand. jurid. nauk.* – Moscow, 2016..
34. Tagantsev N. S. *Russian criminal law. Lectures. Part Of The General. In 2 vols. 1.* – Moscow: Nauka, 1994.
35. traynin A. N. *The doctrine of complicity.* – M.: Yurid. Izdat. NKJU OF THE USSR, 1941.
36. Feuerbach, P. A. *Criminal law.* – St. Petersburg: Meditsinskaya tip., 1810.
37. Frister G. *German criminal law. General part / Ed. with it.; 5-e Izd.* – M.: Infotropic Media, 2013.
38. Tsvirenko O. L. *The perpetrator as a kind of accomplice in the criminal law of the Russian Federation / under the editorship of I. Ya.* – Nizhnevartovsk: publishing house of Signiert. humanit. UN-TA, 2006.